

Адриана
Мэзер

*Учиться здесь —
самой опасной
привилегия*

Убивая Людюгу

Adriana Mather

KILLING
NOVEMBER

Адриана Мэзер

Юная
Лодья

Это выдуманная история. Имена, личности, места
и события — вымысел или плод воображения автора.
Всякое сходство с реальными людьми, как живыми,
так и уже умершими, а также с местами
или событиями совершенно случайно.

*Моему сыну Хэкстону Вольфу Мэзеру.
Я зову тебя малышом,
но ты озаряешь всю мою жизнь.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МЕНЯ ЗОВУТ НОВЕМБЕР* — Ноябрь — Эдли, хотя родилась я в августе. Папа любит вспоминать, что в то лето в Коннектикуте ночи стояли на удивление холодные, а в день, когда я появилась на свет, клен возле нашего дома заалел, словно поздней осенью. Вот почему меня так называли. Папа говорит, что листва клена ярко сияла в утренних лучах солнца и казалось, будто вся лужайка перед домом объята пламенем. А еще он говорит, что, наверное, как раз поэтому я так люблю лес. Не знаю, есть ли тут в самом деле какая-то связь, но эта история мне нравится. Она напоминает о временах, когда в мире царил покой и моей семье ничто не угрожало.

Самое странное тут вот что: мысли о безопасности, в том числе и моей собственной, раньше вообще не приходили мне в голову. Отец прежде служил в ЦРУ, а теперь работает финансовым директором и часто повторяет, что я слишком доверчива. При этом он так качает головой, словно вообще не верит, что я его дочь. Конечно, я всякий раз отвечаю, что в этом виноват только он один,

* В английском языке нет категории рода, поэтому слово «ноябрь» звучит вполне нейтрально и выбор такого имени для девочки не кажется странным или неправильным. (Здесь и далее примечания переводчика.)

ведь я всю жизнь прожила на одном месте, в крошечном городке, среди неизменно дружелюбных соседей, которые представляют не больше опасности, чем спящие в корзине котят. Папа возражает, что мне просто *хочется* верить, что люди по природе добры, и, хотя эта мысль заслуживает восхищения, она все же мало соотносится с реальной жизнью. Тогда я спрашиваю у него, как мне поможет убежденность в том, что люди на самом деле злы. Он отвечает, что здоровая подозрительность готовит нас ко всевозможным опасностям. Вот только до вчерашнего дня все это оставалось лишь теорией. А если начистоту, то даже вчера, когда папа объявил, что над нашей семьей нависла угроза, я все равно ему не поверила. Ничто в моей жизни не говорило о неминуемой опасности до тех самых пор, пока я пару минут назад не очнулась в этом... средневековом зале.

Я хмурюсь. У стены, недалеко от меня, стоит мужчина, по виду охранник. Он глядит прямо перед собой, демонстративно меня игнорируя. Решаю попробовать на прочность входную дверь. Подхожу, изо всех сил тяну кованую задвижку, толкаю плечом потемневшее дерево, но дверь не поддается. Обессиленно вздыхаю, оглядываю комнату. В камине жарко пылает огонь. Мебель, обтянутая бордовым бархатом, наверняка стоит дороже, чем весь мой дом с обстановкой. Окон в зале нет, а значит, единственный выход отсюда — та самая дверь прямо передо мной.

— Я знаю, что вы меня слышите, — говорю я охраннику, который еще не ответил ни на один из моих вопросов. На нем черная одежда, черный

кожаный пояс и черные кожаные нарукавники, от одного вида которых мне становится неловко за костюм гладиатора, который я соорудила себе на Хеллоуин. Подумываю, не щелкнуть ли пальцами у него перед носом, но он выше меня на целый фут*, а руки у него толще и мускулистее, чем мои ноги. Он молчит. Пробую зайти с другой стороны:

— Вы ведь знаете, что я несовершеннолетняя? И что вы не можете держать меня в этой... Надо думать, это моя новая школа. Но ради чего тут запирают учеников?

Папа сказал, что эта школа не похожа на другие, но я все равно не могу смириться с мыслью, что меня заперли в комнате без окон. Ровно в этот миг в замке поворачивается ключ и дверь распаивается. Опускаю плечи, разжимаю кулаки. Другой охранник, одетый точно так же, как первый, жестом велит мне идти за ним. К несчастью, первый охранник выходит следом за мной. Шагая между ними, я ощущаю себя не более свободной, чем в том странном зале.

Охранник, идущий впереди, снимает с серой каменной стены зажженный факел, и я осматриваюсь. Электричества нет, потолки сводчатые, ручки на тяжелых деревянных дверях нажимные, с защелками, а не круглые. Я точно не в Штатах. Это место напоминает документальный фильм о средневековых ирландских замках, который я когда-то смотрела. Вот только папа вряд ли решил бы отправить меня в Европу — и уж точно не смог бы оплатить мою учебу. Мы с семьей почти никогда

* Примерно 30 см.

не бываем за пределами Пембрука, а за границы штата Коннектикут выезжаем и того реже.

Пока мы идем по коридору, я замечаю, что на стенах висят великолепные гобелены, изображающие рыцарей, придворных и кровавые сражения. А еще здесь царит мертвая тишина, не слышно ни гула голосов, ни шума проезжающих машин. В коридоре очень холодно, так что я растягиваю рукава свитера и прячу в них руки, пытаюсь согреться. Не знаю, куда подевались куртка, перчатки и шарф, в которых я садилась в самолет, но в том зале, где я проснулась, их при мне уже не было. Мы проходим под аркой и поднимаемся по каменной лестнице с истертыми неровными ступенями. Я насчитываю две площадки и три лестничных пролета: одолев их, мы останавливаемся перед дверью, украшенной узором из металлических заклепок. Охранник, шедший передо мной, отпирает дверь, из-за нее вырывается теплый воздух.

Оформленный под старину кабинет вызывает в памяти мрачную сцену из фильма о Марии Стюарт. Единственный источник света здесь — свечи, горящие в серебряных канделябрах и подсвечниках, укрепленных на каменных стенах. Окна закрыты плотными шторами, в камине жарко пылает огонь, и воздух наполнен ароматом дыма.

За старинным письменным столом стоит высокая изящная женщина. Ее темные волосы стянуты на макушке в пучок, такой тугой, что от одного его вида у меня начинает болеть голова. Наверное, она папина ровесница, но выглядит так сурово, что кажется старше. Она выдавливает из себя подобие улыбки:

— Добро пожаловать в Академию Абскондити. Я директор Блэквуд. Полагаю, ты хорошо добралась?

У нее сильный голос и властная манера держаться.

— Я не помню, как добралась, — говорю я, снимая пушинку с джинсов. От ее взгляда мне не по себе. В этой церемонной обстановке все жалобы, которые я сочинила внизу, кажутся неуместными. — В самолете я отключилась и пришла в себя на диване в... Если честно, я не понимаю где...

— В учительской, — обрывает меня она и жестом велит сесть в кресло перед письменным столом.

Из рукавов строгого черного пиджака выглядывают пышные оборки белой блузки. Подметив этот контраст, я гадаю, что за человек эта Блэквуд, — чопорная дама, которой хочется казаться дружелюбной, или добрая душа, скрывающаяся под маской мрачной суровости.

— Ты какое-то время была без сознания.

— Меня держали взаперти, — произношу я, ожидая, что она удивится, но она не реагирует.

Я оборачиваюсь. Охранники по-прежнему стоят у меня за спиной, по обе стороны от закрытой двери. Интересно, что они теперь делают — охраняют эту Блэквуд или следят, чтобы я не сбежала? А может, и то и другое.

Блэквуд кивает, словно услышав мой произнесенный вопрос:

— Охранникам запрещено разговаривать с учениками. Они могут говорить только с преподавателями и сотрудниками школы. А теперь, поскольку

время уже очень позднее, мы, я полагаю, можем перейти прямо к делу. Ты согласна? — И она бросает взгляд на настенные часы с открытым механизмом, в корпусе из темного металла, напоминающем готическую башенку.

Часы показывают половину второго. Если учесть ее замечание насчет позднего времени и пустые школьные коридоры, можно сделать вывод, что сейчас ночь.

— Погодите... быть этого не может. — Перевожу взгляд с часов на директоршу и обратно. Похоже, со мной сыграли злую шутку. Папа привез меня в аэропорт вскоре после полуночи. Где-то через два часа после этого я уснула. — Я что, целый день проспала? Как такое возможно? Почему я не проснулась, когда меня привезли сюда? Или когда самолет приземлился?

— Понимаю, ты растеряна. Это неприятный побочный эффект, но иначе мы не смогли бы спокойно доставить тебя сюда...

— *Побочный эффект?* — При мысли о том, как именно меня усыпили на целые сутки, внутри свивается тугой узел. — Мне что-то подсыпали? — Мой голос срывается на писк, я изо всех сил борюсь с нарастающим паническим ужасом.

Перебираю в уме все, что произошло, прежде чем я отключилась. Последнее, что я четко помню, — лимонад, который я пила в самолете. Папа, наверное, миллион раз повторял, что нельзя есть и пить то, что предлагают незнакомые люди, но не взять у стюардессы напиток — примерно то же самое, что отказаться в ресторане от собственного заказа.

Смотрю на Блэквуд, пытаюсь угадать по ее поведению, что именно тут происходит, однако у нее на лице ровным счетом ничего не написано. Но она явно не пришла в ужас от моего предположения, что мне могли что-то подмешать. Я встаю. Все инстинкты кричат, что нужно отсюда бежать. Вот только я не имею ни малейшего представления о том, где оказалась, и понимаю лишь, что я где-то в сельской местности — ведь вокруг так тихо.

— Мисс Блэквуд, можно мне позвонить? Я не уверена, что это... Мне всего на минутку. — Я осматриваю ее письменный стол, но телефона на нем не обнаруживаю.

— К сожалению, нет, позвонить нельзя.

— Я уверена, что школа у вас просто замечательная, но...

Она поднимает руку, обрывая меня, словно прекрасно понимает, что я хочу сказать, но сейчас не готова меня слушать.

— Прежде чем ты выйдешь из этого кабинета или с кем-то заговоришь, ты обязана выслушать наши правила и их *принять*. — Она делает паузу. — Кроме того, ко мне следует обращаться иначе. Я директор Блэквуд. Мы здесь гордимся своими традициями.

Гляжу на нее, не зная, что ответить. Эмили, моя лучшая подруга, подтвердит, что за всю мою жизнь такое со мной случалось всего один раз. Блэквуд жестом велит мне сесть обратно в кресло.

— А теперь прошу, успокойся и сосредоточься. Возможно, то, что я сейчас скажу, снимет часть возникших у тебя вопросов.

Нехотя сажусь. Папа предупредил, что в этой школе меня ждут необычные испытания, и, хотя все это кажется мне до ужаса подозрительным, я ему верю. Но он не стал бы подвергать меня опасности. Собственно, главная причина, по которой я здесь оказалась, как раз и состоит в том, чтобы меня уберечь. Откидываюсь на спинку старого кожаного кресла, поджимаю под себя одну ногу.

При виде моей расхлябанной позы Блэквуд вскидывает бровь. Она пристально глядит на меня и даже вздергивает подбородок, словно подняла бы меня силой мысли, если бы только могла.

— Твое внезапное появление стало неожиданностью. Обычно мы не принимаем новых учеников в середине учебного года, тем более в середине семестра. — Она выжидающе смотрит на меня.

— Спасибо, что сделали для меня исключение, — отвечаю я, призывая на помощь хорошие манеры, хотя слова буквально застревают у меня в горле.

Мне не нравится, как она произнесла «принимаем», — так, будто я здесь надолго. Папа сказал, речь всего о паре недель, пока он не разберется с тетей Джо: к ней в дом вломились, и ей нужна помощь. После этого я вернусь назад, в наш сонный Пембрук, и все снова пойдет как прежде.

Блэквуд открывает книжицу в черной матерчатой обложке, с ленточкой вместо закладки, и внимательно глядит в нее.

— Прежде чем я расскажу об Академии Абскондити и ее учениках, тебе следует усвоить три правила, которые нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах. Их всегда безоговорочно

соблюдают не только наши учащиеся, но и преподаватели. — Она опускает руки на свою книжку. — Первое правило: нельзя говорить, писать или иным образом сообщать информацию о своей жизни за пределами школы. Нельзя называть город, где ты жила, имена членов семьи, фамилию. Нельзя упоминать родственников. Я вижу, что ты весьма общительна, и потому хочу дать тебе понять, что, нарушая это правило, ты ставишь под удар не только себя, но и свою семью.

Недоверчиво гляжу на нее:

— Но как я могу поставить под удар свою семью, находясь здесь? Я считала, что здесь я в полной безопасности...

— Я вижу, что ты о многом не информирована, — обрывает меня Блэквуд, оставив без внимания вопрос и смерив меня недовольным взглядом. — Но время это исправит.

Я ей не отвечаю, потому что не понимаю, что она имеет в виду, и, кажется, не слишком хочу в этом разбираться. Может, она права насчет того, что я растеряна, а может, мне не по себе как раз из-за нашего с ней разговора.

— Второе правило: нельзя покидать территорию школы, — продолжает Блэквуд. — Наше учебное заведение расположено в чаще леса и окружено множеством разнообразных ловушек. Выходить за стены школы не только неразумно, но и крайне опасно.

Выпрямляюсь в кресле. *Наконец-то* мы добрались до приятных бонусов, которыми папа меня сюда заманил: полосы препятствий среди деревьев, головоломки, трюки с метанием ножей.

Если в этой школе не только до чертиков жутко, но и настолько же по-робингудовски увлекательно, то я, пожалуй, готова простить папу за то, что он отослал меня за тридевять земель от дома, а директоршу за то, что подмешала мне в напиток какую-то гадость.

— Что за ловушки? Кому-нибудь когда-нибудь удавалось их преодолеть?

— Нет. Никому и никогда, — произносит она с таким видом, словно уже отвечала на этот вопрос бесчисленное количество раз и он ей здорово надоел. На мгновение перевожу взгляд на стену у нее за головой. Там висит серебряный с бордовым герб, под которым виднеется надпись на латыни: *Historia Est Magistra Vitae*. Прежде чем я успеваю перевести эти слова, Блэквуд продолжает:

— Третье правило: в ссорах между учениками мы придерживаемся принципа «око за око». Все конфликты разрешаются в классе, в присутствии преподавателей.

Восторг, который я было испытала, услышав о напичканной ловушками лесной чаще, вмиг улетучивается, и я чувствую, как мое лицо сковывает мрачная гримаса. Папа сказал, что отправляет меня сюда только предосторожности ради, что ему нужно пару недель побыть с тетей Джо и он не может одновременно приглядывать за нами обеими. Он попросил меня ему довериться. А я решила, что он, как всегда, чрезмерно меня опекает. Но если здесь мне грозит опасность, то вся эта история — полное фуфло. В животе у меня завязывается крошечный узелок, не из тех, что, развязавшись, вмиг исчезают, но из тех, что медленно

разрастаются в темноте и напоминают о себе в самые мрачные мгновения, когда ты остаешься совершенно один.

Снова перевожу взгляд с закрытых плотными шторами окон на дверь, у которой стоят охранники.

— Но разве... у вас нет правила насчет того, что нельзя вредить другим людям?

— В последние годы мы понесли необычайно много потерь, так что нет, такого правила у нас нет, — отвечает она так, словно речь идет о том, какие блюда готовят в школьной столовой по вторникам.

В горле у меня резко пересыхает.

— Что значит «потеря»? Насколько интенсивны здешние занятия? От чего именно у вас гибнут люди?

Блэквуд глядит на меня как на потерявшегося щенка, которого она вовсе не намерена гладить.

— В отличие от других школ, мы не предлагаем базовых курсов, но вместо этого даем своим ученикам много большее. Академия развивает навыки, которыми уже обладают учащиеся, и оттачивает их. К примеру, метание ножей требует не только точности, но и умения действовать на ходу, под давлением. А умение дезинформировать мы развиваем таким образом, чтобы ученики умели и разоблачить обман, и применить его, сделав ложь своим вторым я. Вместо обучения иностранным языкам мы предлагаем спецкурс по акцентам и культурным нормам, который позволяет ученикам легко перемещаться из страны в страну, не раскрывая собственного происхождения. Обучение в нашей